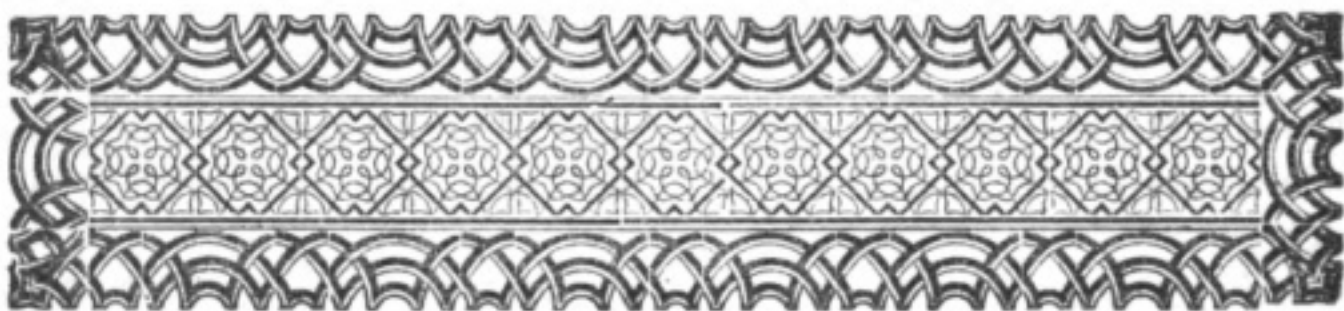

Народныя пѣсни въ новооткрытыхъ записяхъ Пушкина.

(Къ 75-лѣтію кончины великаго поэта).

Пушкинъ былъ въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя помогали матеріалами великому „радѣльщику русской пѣсни“, П. В. Кирѣевскому. Поэтъ доставилъ ему, по собственному показанію Кирѣевского, „замѣчательную тетрадь пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи“. Другія сообщенія Кирѣевского обстоятельнѣе и цѣннѣе. „Покойный А. С. Пушкинъ доставилъ мнѣ 50 №№ пѣсенъ, которыя онъ съ большой точностью записалъ самъ со словъ народа, хотя и не обозначилъ, гдѣ именно. Вѣроятно, что онъ записалъ ихъ у себя въ деревнѣ въ Псковской губерніи“, приписалъ Кирѣевскій къ одной изъ пѣсенъ. Въ 40-хъ годахъ Кирѣевскій показалъ Ѳ. И. Буслаеву тетрадь пушкинскихъ записей и прибавилъ: „вотъ эту пачку далъ мнѣ самъ Пушкинъ и при этомъ сказалъ: „Когда-нибудь, отъ нечего дѣлать, разберите-ка, которыя поетъ народъ, и которыя смастерилъ я самъ“. И сколько ни старался я разгадать эту загадку, никакъ не могу сладить. Когда это мое собраніе будетъ напечатано, пѣсни Пушкина пойдутъ за народныя“. Эта тетрадь исчезла; С. О. Долговымъ была обнаружена нѣсколько лѣтъ назадъ одна запись въ автографѣ Пушкина, но онъ едва ли принадлежалъ къ той тетради (эта запись, „Не бѣлинька березонька къ землѣ клонится“..., упомянута проф. В. Ѳ. Миллеромъ въ статьѣ „Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ“, М., 1899, стр. 31, и напечатана въ IV томѣ венгероваго изданія сочиненій Пушкина, стр. 76). Сообщенныя Пушкинымъ пѣсни Кирѣевскій распредѣлилъ по отдѣламъ, но не успѣлъ ихъ издать. Одна пѣсня, съ точными указаніями на сообщеніе Пушкина („Что

Народныя пѣсни въ новооткрытыхъ записяхъ Пушкина.

(Къ 75-лѣтію кончины великаго поэта).

Пушкинъ былъ въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя помогали матеріалами великому „радѣльщику русской пѣсни“, П. В. Кирѣевскому. Поэтъ доставилъ ему, по собственному показанію Кирѣевского, „замѣчательную тетрадь пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи“. Другія сообщенія Кирѣевского обстоятельнѣе и цѣннѣе. „Покойный А. С. Пушкинъ доставилъ мнѣ 50 №№ пѣсенъ, которыя онъ съ большой точностью записалъ самъ со словъ народа, хотя и не обозначилъ, гдѣ именно. Вѣроятно, что онъ записалъ ихъ у себя въ деревнѣ въ Псковской губерніи“, приписалъ Кирѣевскій къ одной изъ пѣсенъ. Въ 40-хъ годахъ Кирѣевскій показалъ Ѳ. И. Буслаеву тетрадь пушкинскихъ записей и прибавилъ: „вотъ эту пачку далъ мнѣ самъ Пушкинъ и при этомъ сказалъ: „Когда-нибудь, отъ нечего дѣлать, разберите-ка, которыя поетъ народъ, и которыя смастерилъ я самъ“. И сколько ни старался я разгадать эту загадку, никакъ не могу сладить. Когда это мое собраніе будетъ напечатано, пѣсни Пушкина пойдутъ за народныя“. Эта тетрадь исчезла; С. О. Долговымъ была обнаружена нѣсколько лѣтъ назадъ одна запись въ автографѣ Пушкина, но онъ едва ли принадлежалъ къ той тетради (эта запись, „Не бѣлинька березонька къ землѣ клонится“..., упомянута проф. В. Ѳ. Миллеромъ въ статьѣ „Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ“, М., 1899, стр. 31, и напечатана въ IV томѣ венгероваго изданія сочиненій Пушкина, стр. 76). Сообщенныя Пушкинымъ пѣсни Кирѣевскій распредѣлилъ по отдѣламъ, но не успѣлъ ихъ издать. Одна пѣсня, съ точными указаніями на сообщеніе Пушкина („Что

при вечерѣ вечерничкѣ“...), приготовленная къ печати Кирѣевскимъ, появилась вскорѣ послѣ его смерти въ „Русск. Бесѣдѣ“ 1857 г., кн. II, стр. 25—27; двѣ другія напечаталъ П. А. Безсоновъ въ редактированной имъ части собранія Кирѣевского. Изучая бумаги Кирѣевского, В. О. Миллеръ обнаружилъ и напечаталъ (въ упомянутой работѣ) двѣнадцать свадебныхъ пѣсенъ, записанныхъ, по заявленію Кирѣевского, Пушкинымъ.

Нынѣ московское Общество любителей Россійской словесности предприняло изданіе „новой серіи“ собранія Кирѣевского, подъ редакціей В. О. Миллера и М. Н. Сперанскаго. Недавно вышелъ первый выпускъ „Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ“, посвященный обрядовымъ пѣснямъ, въ число которыхъ вошли свадебныя. Среди нихъ оказалось еще около двухъ десятковъ пушкинскихъ записей. „Вниманіе Пушкина къ свадебнымъ пѣснямъ“ — говоритъ Миллеръ („Пушкинъ какъ поэтъ-этнографъ“, 29—30)— „понятно для всякаго этнографа. Въ этихъ пѣсняхъ, сопровождающихъ разные моменты свадебнаго обряда, традиціонно хранимыхъ преимущественно женщинами, какъ извѣстно, донеслось даже до нашихъ дней немало слѣдовъ старины, старины временъ боярскихъ, такъ какъ вся обстановка крестьянскаго свадебнаго обряда, съ его свадебными чинами, представляетъ какъ бы копію старинной боярской и княжеской свадьбы, начиная съ названія молодыхъ княземъ и княгинею. Въ 20-хъ годахъ, когда такія пѣсни записывалъ Пушкинъ, вѣроятно въ своей деревнѣ, въ Михайловскомъ, вся обрядовая старина крестьянской свадьбы была еще свѣжѣе, чѣмъ въ наши дни, и уже съ этой стороны пушкинская запись представляетъ нѣкоторый интересъ. Но нельзя не отмѣтить и того, что Пушкинъ понималъ необходимость указывать, къ какому именно моменту свадьбы приурочена та или другая пѣсня, т. е. пріемъ, который въ настоящее время нашими этнографическими программами рекомендуется любителямъ, какъ научное требованіе... Едва-ли поэтому мы ошибемся, если предположимъ, что Пушкинъ у себя въ деревнѣ лично наблюдалъ всю обрядовую сторону крестьянской свадьбы и записалъ пѣсни въ связи съ моментами обрядности, какъ и требуетъ этнографическая точность... „Вѣроятно, впоследствии“—прибавилъ В. О. Миллеръ,— „при болѣе точномъ пересмотрѣ всего собранія Кирѣевского окажутся и другія пѣсни, кромѣ свадебныхъ, записанныя Пушкинымъ“.

Однако, при подготовленіи къ изданію „новой серіи“ прежде всего нашлись незамѣченныя раньше пушкинскія записи именно свадебныхъ пѣсенъ. Приводимъ ихъ здѣсь, какъ переданы онѣ редакторами, но даемъ имъ здѣсь свою нумерацію. (Въ сборникѣ онѣ перемѣшаны съ другими, уже извѣстными).

I.

Въ банѣ дѣвушки, моя невѣсту, поють и пляшутъ, пьютъ и пивомъ поддають. Невѣста между тѣмъ плачетъ голосомъ, приговаривая:

Какъ-то мнѣ будетъ въ чужіе люди идти?
 Что какъ будетъ назвать свѣкра батюшкой?
 А какъ будетъ назвать свекровь матушкой?
 Богъ тебѣ судья, свѣтъ мой, родимый батюшка!
 Али я тебѣ молодѣшенька принаскучила? и пр.

Изъ бани пришедъ, дѣвушки чешутъ ей голову, одѣнуть, посадятъ за столъ.—Женихъ прѣзжаетъ со своими холостыми товарищами. Они другъ друга дарятъ.

Въ день свадьбы дѣвушки съ пѣньемъ одѣваютъ её; потомъ сажаютъ одну за столъ передъ блюдомъ, куда всѣ кладутъ деньги, за что она молча кланяется. Потомъ отецъ ея и мать выводятъ её посередь комнаты и начинаютъ благословлять, послѣ чего идётъ невѣста, крестясь, садится, чтобъ ѣхать къ вѣнцу. Всѣ дѣвушки за нею, также крестятся.

II.

Мимо дворика батюшкина,
 Мимо терема матушкина,
 Пролегала тутъ дороженька;
 Пробѣгалъ тутъ добрый конь;
 За конѣмъ бѣжить добрый молодець,
 У воротъ стоитъ красна дѣвица.
 Какъ возговорить добрый молодець:
 „Перейми коня, красна дѣвица!“
 — Мнѣ нельзя перенять коня:
 У меня травой ноги спутаны,
 Росой глаза замочены.—
 Возговорить добрый молодець:
 „Не приманывай, красна дѣвица:
 Не травой ноги спутаны,
 Не росой глаза замочены:
 Ноги спутаны кручинушкой,
 Глаза замочены горючьми слезми!“

III.

Когда молодые сидятъ за столомъ, прѣхавъ отъ вѣнца, то дѣвушки поють всѣмъ гостямъ; перваго начинаютъ величать поца.

У поца у батюшки
 Золота скуфюшка;
 Низала скуфюшку
 Его молода жена
 Александра Ѳедоровна.

Слышишь-ли, батюшка?
 Тебѣ пѣсню поёмъ.
 Тебѣ честь воздаёмъ;
 Мы хотимъ съ тебя даровъ,
 Даровъ великихъ,—
 Двѣ гривны золотомъ.

А пощъ отвѣчаетъ: „Нате, суки, возьмите въ руки, не корите поща“.

IV.

Не стыдно ли вамъ, бояры,
 Передъ нами, дѣвками, стояти,
 Въ рукахъ шапочки держати?

V.

Поётся вдовѣ.

Княгиня душенька,
 Скажи, пожалуй, намъ
 Про свою гостейку!
 „У меня свѣтъ гостейка
 Молодая вдовушка,
 Вдова молодая,
 Вдова богомольная:
 Всѣмъ святымъ святителямъ
 Богомолилася
 О своихъ о дѣтушкахъ“.
 Слышишь ли, вдовушка?
 Тебѣ пѣсню поёмъ,
 Тебѣ честь воздаёмъ,
 Мы хотимъ съ тебя даровъ,
 Даровъ великихъ,—
 Двѣ гривны золотомъ.

VI.

Величаютъ холостого.

Князёкъ молоденькій,
 Лебедёкъ нашъ бѣленькій ¹⁾,
 Скажи, пожалуй, намъ
 Про своего гостя намъ!
 „У меня свѣтъ гость дорогой
 (имя и отчество)
 Во любви онъ позванный,
 Во чести посаженный,
 За дубовымъ столомъ,
 За браной скатертью,
 Не женатый Иванушка,
 Холостой Михайловичъ.

¹⁾ Дѣвушки обращаются къ молодому.

Холостой завистливый,
Его глазъ урочливый.
Выйди, холостенькій,
Выдь къ намъ за завѣсу! ¹⁾
Выбери, холостенькій,
Кто тебѣ покажется!
Слышишь ли, гость дорогой?
Мы тебѣ пѣсню поёмъ,
Тебѣ честь воздаёмъ,
Мы хотимъ съ тебя даровъ.
Даровъ великихъ,—
Двѣ гривны золотомъ.

Имъ подають деньги въ стаканѣ пива, приговаривая:

VII.

Вотъ вамъ, красныя дѣвушки!
Малое примите,
Въ большемъ не судите.
Денежки принимайте,
Поль поровняйте ²⁾.

VIII.

Величаютъ гостью, какъ дѣвушку, такъ и замужнюю.

Княгиня душенька! ³⁾
Скажи, пожалуй, намъ
Про-свою гостейку!
„У меня свѣтъ гостейка
(имя и отчество)
Во любви позвана,
Во чести посажена,
Хорошо снаряжена:
Серѣжки—яхонты,
Лицѣ разгорѣлося,
Монисты золоты
Шею огрузили!“
Слышишь ли, гостейка,
Тебѣ пѣсню поёмъ,
Тебѣ честь воздаёмъ,
Мы хотимъ съ тебя даровъ,
Даровъ великихъ,—
Двѣ гривны золотомъ.

¹⁾ Дѣвушки сидятъ за занавѣсомъ, прoderнутымъ черезъ всю избу.

²⁾ Т. е. попляшите. *Примѣчаніе собирателя.*

³⁾ Дѣвушки обращаются къ молодой. *Примѣчаніе собирателя.*

IX.

А у свата сводника
 Лихорадка съ болѣстью,
 Она съ чѣрной немочью,
 На печи подъ шубою,
 На дворѣ нагишкою!
 По морозу босикомъ,
 По травѣ нагишѣмъ!
 Ему чирій въ голову,
 А другой въ бороду,
 Третій въ ручушку,
 Четвертый въ ноженьку!
 У сватушки кудри
 На четыре грани,
 Его черти драли,
 Шуты полыскали,
 По кучамъ таскали,
 Братомъ называли:
 Ты, сватушко, братецъ!
 Дари, дари дѣвокъ,
 Дари, дари красныхъ!
 Станешь дарити—
 Не станутъ корити.

X.

Свать, свать молодой!
 Не бывать тебѣ у насъ,
 Не ѣдать киселя!
 Не бѣжать тебѣ лугомъ,
 Не др.....ь тебѣ гужѣмъ!

XI.

Безтолковый сватушко!
 По невѣсту ѣхали,
 Въ огородъ заѣхали,
 Пива бочку пролили,
 Всю капусту полили.
 Вереѣ молилися:
 „Верея, вереюшка!
 Укажи дороженьку
 По невѣсту ѣхати!“
 Сватушко, догадайся!
 За мошѣночку принимайся!
 Въ мошиѣ денежки шевелятся,
 Онѣ къ дѣвушкамъ норовятся;
 А копейка ребромъ становится,
 Она къ дѣвушкамъ норовится!

XII.

На дѣвичникѣ свата корятъ.

Всѣ пѣсни перепѣли,
 Горлушки пересохли!
 А сватушко рыжій
 По берегу рыщетъ,
 Хочетъ удавиться,
 Хочетъ утопиться,
 Отъ красныхъ дѣвокъ,
 Отъ бѣлыхъ лебѣдокъ.
 Дари, дари дѣвокъ!
 Дари лебѣдокъ!
 Не станешь дарити—
 Мы пуще корити!
 Сватушко, догадайся!
 За мошѣночку принимайся!
 Въ мошнѣ денежка шевелится,
 Къ краснымъ дѣвушкамъ норовится.

XIII.

Поется на дѣвичникѣ.

Сватушка гость, богатый, тароватый;
 Онъ съ гривны на гривну ступаетъ,
 Онъ рублѣмъ ворѣты запираетъ,
 Онъ полтиной ворѣты отпираетъ.
 Сватушко, догадайся!
 За мошѣночку принимайся!
 Въ мошнѣ денежка шевелится,
 Къ краснымъ дѣвушкамъ норовится.

XIV.

Про жениха, какъ взойдетъ къ невѣстѣ.

Какъ сказали-то, Иванушка хорошъ да хорошъ!—
 Чѣртъ у него, не хорѣшество!
 Самъ шестомъ,
 Голова пестомъ,
 Уши ножницами,
 Руки грабельками,
 Ноги вилочками,
 Глаза дырочками.
 Соловьины-то глаза
 По верхамъ глядятъ;
 По верхамъ глядятъ,
 Они каши хотятъ.
 Вчера каша сваренá,
 Вчера съѣдена была.

Шея-то синя,
 Будто въ пѣтлѣ была!
 Носъ-отъ синь,—
 Это свахинъ сынъ!

XV.

Ты, невѣста, передъ кѣмъ стоишь?
 Передъ кѣмъ стоишь, на кого глядишь?
 Онъ тебѣ чужь чуженекъ,
 У него поросячій душекъ!
 Онъ съ курами клеваль,
 Съ поросятами ѣдаль!

XVI.

Эту пѣсню поютъ дѣвушки, гуляя по улицѣ, вода подъ руки покровенную невѣсту.

Уже вечеръ на дворѣ вечерѣтся,
 Ужъ красное солнушко за лѣсъ кѣтится,
 Что частыя-то звѣздочки высыпаются,
 У меня-ли молодѣшеньки некрасованой
 Съ моими ластушки, сестрицы, милыми подружки.
 Я пойду-ли спрошусь у родимой матушки:
 „Ты сударыня, родимая матушка!
 Не гулять у тебѣ прошуся, не красоватися,
 Я развѣить свою кручинушку великую.
 Я пойду-ль молодѣшенька во чисто поле,
 Я ударюсь молодѣшенька о сыру землю;
 А мы вскрикнемте, сестрицы, громкимъ голосомъ:
 Ты раздайся-ли, мать сыра земля!
 Ахъ, ты встань, ты встань, родной батюшко ¹⁾!
 Ты приди ко мнѣ, горюшѣ молодѣшенькѣ,
 На мою-ли на смиренную на бесѣдушку!
 Снарядить-то меня горюшу есть кому,
 А благословить-то меня нѣ кому,
 Мы взойдемъ-ка ли, сестрицы, въ новыя сѣни,
 Мы воскрикнемте, сестрицы, громкимъ голосомъ:
 Не шатитесь, не ломитесь, сѣни новыя!
 Неужли-жъ я молодѣшенька тяжелѣшенька.
 Съ моимъ ластушкамъ, сестрицамъ, милымъ подружкамъ?
 Тяжела моя великая кручинушка.
 Государыня, родимая матушка!
 Отвори-тка свой высѣкъ терѣмъ!
 Не зноби меня горюшу молодѣшеньку!
 Я и такъ молодѣшенька назяблася.

¹⁾ Если невѣста не сирота, то, разумѣется, выпускаются стихи, обращенные къ покойному отцу, или замѣняются другими, импровизированными. *Прим. собир.*

Я сяду молодёшенька подь окошечкомъ:
 Не летить-ли мой кормилецъ батюшко?
 Мы пойдете-тка, сестрицы, вдоль по улицѣ
 Вы кладите-тка слѣдочки частёхонько,
 Уливайте слѣдочки горючьми слезьми.
 Опослѣ поидеть родимая матушка:
 „Не княгиня тутъ гуляла, не боярыня,
 Тутъ ходила, тутъ гуляла чадо милое!“

XVII.

Много, много у сыра дуба
 Много вѣтвей и повѣтвей,
 Только нѣту у сыра дуба
 Золотыя вершиночки:
 Много, много у княгини души
 Много роду, много племени,
 Только нѣту у княгини души
 Нѣту ея родной матушки:
 Благословить есть кому,
 Снарядить нѣкому ¹⁾.

XVIII.

Поется сиротѣ.

Ты рѣка ли моя рѣченька,
 Ты рѣка ли моя быстрая!
 Течешь, рѣчка, не колыхнешься,
 На крутой берегъ не взольнешься,
 Желтымъ пескомъ не возмутисься!
 Отчего же мнѣ возмутитися?
 Ни дождя нѣту, ни вихорю:
 Ахъ ты, умная дѣвица
 (имя и отчество),
 Что сидишь ты, не улыбнешься?
 Говоришь рѣчи, не усмѣхнешься?
 — „Что чему же мнѣ смѣяться?
 На что глядя, радоватися?
 Полонъ дворъ у насъ подводъ стоитъ,
 Полна горница гостей сидить.
 Ужъ какъ всѣ гости собралися,
 Одного-то гостя нѣтъ какъ нѣтъ;
 Ужъ какъ нѣтъ гостя милаго,
 Моего батюшки родимаго ²⁾);

¹⁾ Благословляетъ обыкновенно отецъ, снаряжаетъ мать. *Прим. собир.*

²⁾ Если жъ молодая круглая сирота, то поется:

Ужъ какъ нѣтъ гостей милыхъ:
 Моего батюшки родимаго,
 Моей матушки родимой. *Прим. собир.*

Снарядить-то меня есть кому,
 Благословить-то меня некому;
 Что снарядить меня родная мать,
 Благословить меня чужой отецъ“.

XIX.

По меду, мѣду по паточному
 Плавала чарочка серебряная:
 Кто эту чарочку перенялъ?
 Перенялъ, перенялъ князь государь,
 Подносилъ, подносилъ госпожѣ княжнѣ:
 „Выкушай, выкушай, душа госпожа!
 Я тебѣ, княгиня, про свой сонъ расскажу:
 Будто у насъ середь широка двора
 Будто у насъ разстилалась трава;
 По травкѣ гуляетъ павынька,
 Павынька—павынька княгиня душа“.

Пояснительныя ремарки принадлежать, конечно, Пушкину (въ № I, напримѣръ, ясно виденъ его слогъ), а „примѣчанія собирателя“— П. В. Кирѣевскому, который, быть можетъ, руководствовался при этомъ опять-таки указаніями Пушкина (напр., въ №№ VI, XVIII).

Великій поэтъ воспользовался своею жатвой свадебныхъ пѣсенъ, когда писалъ вторую сцену „Русалки“. Въ ней свать обращается къ дѣвушкамъ:

Али всѣ пѣсенки вы перепѣли?
 Аль горлышки отъ пѣнья пересохли?

Эти слова напоминаютъ начало пѣсни № XII. Насмѣшливая пѣсня, которою отвѣчаетъ свату хоръ, почти дословно сходится съ пѣснями №№ XI и XII, особенно съ первой,—только въ драмѣ она болѣе отдѣлана. Прибавлены два стиха („Сватушка, сватушка“ и „Тыну поклонилися“); послѣдніе два стиха хора почти буквально (за исключеніемъ отброшеннаго предлога „Къ“) повторяютъ заключеніе пѣсни № XII, а всѣ остальные—точное повтореніе XI. Отвѣтъ свата хору: „На, на, возьмите, не корите свата“, напоминаетъ отвѣтъ попа величающимъ его дѣвушкамъ (послѣ пѣсни № III): „нате... возьмите... не корите попа“. Зловѣщая пѣсня, которую затягиваетъ на княжеской свадьбѣ одинокій голосъ: „По камушкамъ, по желтому песочку“..., въ началѣ своемъ повторяетъ образы и выраженія пѣсни № XVIII. Пѣсня, въ которой хоръ дразнитъ свата (№№ XI и XII), болѣе всѣхъ другихъ подходитъ къ самостоятельнымъ произведеніямъ Пушкина въ народномъ духѣ; быть можетъ, на нее-то и намекалъ поэтъ, щеголяя своей виртуозностью и предлагая Кирѣевскому, отличить, что „смастерилъ“ онъ самъ, отъ непод-

дѣльнаго народнаго творчества. Если такія мѣста, какъ „у тебѣ“, „развѣить“ (въ № XVI) дѣйствительно такъ и записаны Пушкинымъ, то ими особенно подчеркивается то уваженіе и вниманіе, съ которыми Пушкинъ прислушивался къ народной рѣчи. Картинное выраженіе: „монисты золоты шею огрузили“ (въ № VIII) врѣзалось въ память Пушкина, и онъ хотѣлъ имъ воспользоваться при переизданіи своей „Сказки о рыбацѣ и рыбкѣ“, гдѣ въ стихѣ: „жемчуги окружили шею“ исправилъ (на поляхъ печатнаго экземпляра III-ей части своихъ „Стихотвореній“) сказуемое: „огрузили“ (см. „П. и его соврем.“, IX—X, 83). Пѣсня № X редакторами изданія не введена въ текстъ, а приводится въ предисловіи (стр. LXXII); она попала въ число „нехорошихъ“, т. е. неприличныхъ, но она записана Пушкинымъ и принадлежитъ къ тѣмъ свадебнымъ, въ которыхъ заключаются обычныя насмѣшки надъ скуповатымъ сватомъ.

Разсматривавшій бумаги Кирѣевскаго Н. Трубицынъ („Народныя пѣсни, записанныя Пушкинымъ“—„П. и его соврем.“, XV) въ своихъ дополненіяхъ къ цитированной выше статьѣ Миллера восстанавливаетъ (стр. 139, 140—142), на основаніи замѣчаній Кирѣевскаго, съ приблизительной точностью одну пушкинскую запись, находящуюся въ той самой тетради, гдѣ записана пѣсня „Мимо дворика батюшкина“... (см. выше, № II). Приводимъ эту запись продолжая принятую нами нумерацію.

XX.

Тѣща про зятюшку сдобничала,
Сдобничала и пирогъ пекла.
Испекла пирогъ въ двенадцать рублей:
Солоду, муки, на четыре рубля,
Ягодовъ, изюму на-восемь рублей.
„Этотъ пирогъ семерымъ не съѣсть!“
Зять-отъ съль, да присѣстомъ съвьль.
„Какъ тебя, зятюшку, не перервало!“

Въ бумагахъ Кирѣевскаго, сообщаетъ М. Н. Сперанскій (введеніе, стр. XLVII, LXXI—LXXII), обнаружены и ждутъ опубликованія еще шесть пушкинскихъ записей—двѣ „разгульныя“ пѣсни: „Авдотья вдовина—По бережку ходила“ и „Калина, малина! На задніемъ... Подъ горою три солдатки“; двѣ „элегическія“: „Уродился я несчастливъ, безталанный“ (съ нею, можетъ быть, стоять въ связи заключающіяся въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина „нѣсколько строкъ стихотворенія въ народномъ стилѣ“—„Уродился я, бѣдный недоносокъ“...;

см. „П. и его соврем.“, IV, 23) и „Я вечеръ, вечеръ, добрый молодецъ“, и двѣ ни въ какую рубрику не занесенныя: „Ужь какъ но-вѣшніе люди,—Они молоды, лукавы“ и „Долина, долинушка,—Раздолье широкое“! Пересмотръ всего обширнаго пѣсеннаго наслѣдія Кирѣевского не законченъ, и можно ожидать еще нѣсколькихъ подобныхъ находокъ.

Дѣятельности Пушкина, какъ собирателя народнаго пѣсеннаго творчества, до сихъ поръ не подведенъ итогъ. Не характеризованы его техническіе приемы, не опредѣлены съ возможною точностью хронологія и мѣстные предѣлы его этнографическихъ наблюдений, не изслѣдованъ смущавшій еще Кирѣевского вопросъ о границѣ, отдѣляющей Пушкина-собирателя отъ Пушкина-подражателя и самостоятельнаго поэта въ народномъ духѣ; даже еще не приведены въ извѣстность всѣ собранныя имъ матеріалы (пользуемся случаемъ указать, что нами въ газетѣ „Рѣчь“ 1910 г., № 45, было напечатано записанное Пушкинымъ въ 1833 г. начало исторической пѣсни „Уральски казаки“). Новое изданіе собранія Кирѣевского, принесшее столько новыхъ и значительныхъ матеріаловъ, выдвигаетъ на очередь эти задачи, важныя для издателей, изслѣдователей и біографовъ.

Н. Лернеръ.

